

Дарья Леженина

ЦЕНА
ЛЖИ

Дарья Беженарь

Цена лжи

<https://litres.ru/74548639>

Аннотация

Я смотрю, как его жена открывает конверт и достаёт несколько фотографий. На них — я и Руслан Олегович застолком, мы склоняемся над бумагами, его рука лежит на столе рядом с моей... Ничего предосудительного, но при определённом ракурсе...

— Это не то, чем кажется... — начинаю я, но она резко обрывает:

— Мне не нужны оправдания. Мне нужен результат.

Она делает паузу, изучает моё лицо, будто оценивает, насколько я сломлена.

— У меня есть предложение. Ты помогаешь мне, а я помогаю тебе.

— Поможете? — я не верю своим ушам. — Но как?

— Деньги, — она выдерживает паузу, следит за моей реакцией.

— Достаточно, чтобы оплатить полную реабилитацию твоего брата. Знаю, как твоя семья в них нуждается. Он ведь был талантливым баскетболистом, пока не получил ту травму... И у него есть шанс вернуться в спорт — но без должного лечения это невозможно.

Я вздрагиваю. О Никите знают только самые близкие.

— Откуда вы...

— У меня хорошие источники. И я точно знаю: тебе нужны эти деньги. А мне нужен компромат.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	33
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1

Мы с Аллой шли по дорожке студенческого городка. Она, как всегда, болтала без умолку — на этот раз о грядущей межвузовской спартакиаде и о том, как её команда по лёгкой атлетике готовится к отборочным. Я слушала вполуха: в голове крутились мысли о тренировочном плане для ребят из «Тенниса без границ», о том, где найти ещё пару ракеток, и о письме в городской спорткомитет, которое я никак не решалась отправить.

Мне двадцать, я учусь на третьем курсе Института физической культуры и спорта по специальности «Спортивная тренировка». Я — мастер спорта по теннису, не раз занимаю призовые места на региональных соревнованиях. Моя заветная мечта — открыть собственную теннисную академию для детей из малообеспеченных семей.

— Оль, ты меня вообще слышишь? — Алла остановилась и развернула меня к себе. — У тебя опять этот взгляд «я в облаках».

— Прости, — я улыбнулась. — Задумалась. Что ты говорила?

— Я говорила, что у нас новости! — Она достала телефон, нашла сообщение в групповом чате. — Смотри.

На экране — скриншот письма от деканата:

Уважаемые студенты!

В четверг, 19 октября, в 14:00 в конференц-зале института состоится встреча с начальником управления по делам молодёжи города — Русланом Олеговичем Воронцовым.

Тема: новая городская программа «Молодёжь в движении» и возможности для студенческих инициатив.

Приглашаются:

- лидеры спортивных клубов и сборных;*
- организаторы межвузовских турниров;*
- авторы социальных проектов в сфере ЗОЖ.*

Просьба подтвердить участие до 17 октября.

— Ого, — я замерла. — Воронцов... Это же он курирует гранты на спортивные проекты!

— Именно! — Алла хлопнула в ладоши. — Ты со своим «Теннисом без границ» как раз в тему. Тебя точно позовут.

— Да, но... — я замялась. — Это же не просто презентация. Это шанс. А у меня до сих пор нет чёткого плана по расширению. Только наброски, сметы, идеи...

— Так займись! — Она взяла меня под руку и потянула к главному корпусу. — У тебя два дня. Собери все цифры, распечатай фото с тренировок, подготовь короткую речь. Ты же знаешь: если хочешь, чтобы тебя заметили, надо быть готовой на все сто.

Мы поднялись по ступеням, и я невольно замедлила шаг у доски объявлений. Там уже висел официальный плакат: портрет Воронцова в деловом костюме, логотип программы, дата и время. Он выглядел строго, но не сухо — в глазах чи-

талась энергия человека, который привык добиваться своего.

— Страшно? — спросила Алла, заметив мой взгляд.

— Не то слово, — призналась я. — Но если он действительно раздаёт гранты, это может изменить всё. Представляешь, вторая площадка, новые тренеры, инвентарь... Дети, которые сейчас ждут в очереди, наконец получают шанс.

— Значит, действуем, — Алла решительно открыла дверь в институт. — Сегодня вечером — мозговой штурм. Завтра — доработка документов. В среду — репетиция выступления. И в четверг ты войдёшь в тот зал как человек, который знает, чего хочет.

Я глубоко вдохнула. Где-то в груди разгоралось знакомое чувство — смесь тревоги и азарта. То самое, что всегда толкало меня вперёд: к новым тренировкам, к новым идеям, к тому, чтобы не просто мечтать, а делать.

— Ладно, — сказала я, переступая порог. — Начнём.

Мы с Аллой разбирали материалы и составляли черновик презентации. Работа шла медленно: то не хватало актуальных фотографий с тренировок, то цифры в смете не сходились с реальными ценами на инвентарь. Алла терпеливо выслушивала мои сомнения, подбадривала и предлагала новые идеи.

— Как там дела у Никиты? — спросила подруга, откладывая в сторону распечатки.

— Всё так же... Нужную сумму ещё не нашли, — горько

вздохнула я.

Никита — мой шестнадцатилетний брат, талантливый баскетболист юношеской лиги. Во время важного матча он получил тяжёлую травму: разрыв связок и перелом коленной чашечки. Врач поставил жёсткий диагноз: без комплексной реабилитации (повторная операция, курсы ЛФК, механотерапия, физиопроцедуры) Никита рискует навсегда потерять подвижность колена и мечту о большом спорте.

Стоимость полного курса — около миллиона рублей.

А с зарплатой моих родителей неизвестно, через сколько лет мы соберём нужную сумму. Мама работает младшим библиотекарем в районной библиотеке. Папа — водитель маршрутного такси.

— Жалко так его... — сказала подруга, глядя на меня с сочувствием.

— Не то слово. Нам поможет только чудо...

— Или лям, упавший с небес, — попыталась пошутить Алла, но шутка вышла горькой. Мы обе знали: чудес не бывает. Есть только работа, упорство и шанс, который нельзя упустить.

Я посмотрела в окно: за стеклом кружились листья, словно напоминая, что время не ждёт. Никита не может ждать. Каждый день промедления — это шаг назад от его мечты, от возможности снова выйти на площадку. Если бы я могла ему помочь... Если бы нашла способ...

Глава 2

Четверг выдался хмурым: небо затянуло серой пеленой, а по асфальту растекались лужи после ночного дождя. Я пришла в институт за час до встречи с Воронцовым — хотела занять место в первом ряду, разложить материалы, ещё раз проговорить про себя ключевые тезисы. Алла, как и обещала, была рядом: проверяла, ровно ли лежат распечатки, не помялись ли фото, достаточно ли чётко напечатаны цифры в сметах.

— Ты выглядишь как человек, готовый завоевать мир, — подмигнула она. — Только не волнуйся. Ты знаешь своё дело лучше всех.

Я кивнула, но внутри всё дрожало. Это был не просто доклад — это была возможность перевернуть судьбу «Тенниса без границ». Вторая площадка, новые ракетки, оплата труда тренеров... Всё зависело от того, сумею ли я заинтересовать Воронцова.

В два часа зал был полным: студенты, преподаватели, представители администрации. На сцене появился Руслан Олегович — в строгом тёмно-сером костюме, с лёгкой улыбкой, но взглядом, который будто всех сканировал. Он начал с общей презентации программы «Молодёжь в движении»: гранты, партнёрства, перспективы. Говорил чётко, без воды, приводя примеры уже реализованных проектов. Я лови-

ла каждое слово, мысленно прикидывая, куда можно вписать свой.

Наконец, блок вопросов. Я подняла руку первой, но меня опередил капитан сборной по плаванию — у него был проект бассейна для детей с ОВЗ. Потом выступила девушка из волонтерского центра с идеей эко-марафона. Время таяло, а моя очередь так и не подошла.

— На сегодня, пожалуй, всё, — заключил Воронцов, глядя на часы. — Благодарю за активность.

Когда его выступление закончилось, я поняла — нельзя упускать шанс. Сердце колотилось, но я решительно направилась к выходу, высматривая Воронцова среди расходящихся студентов.

Увидела: он уже у машины, разговаривает по телефону. Рядом — невозмутимый водитель, который как раз открывал заднюю дверь. Я подбежала к ним, чуть запыхавшись:

— Руслан Олегович! Можно пару минут?

Он обернулся, явно не узнавая меня:

— Да? Вы кто?

Я сглотнула, стараясь унять дрожь в голосе:

— Меня зовут Ольга Морозова. Я студентка третьего курса, занимаюсь проектом «Теннис без границ». У меня есть идея, как масштабировать его в рамках вашей программы «Молодёжь в движении». Но это потребует немного времени...

Воронцов посмотрел на часы, чуть прищурился, будто

прикидывая в уме расписание. Потом кивнул в сторону машины:

— У меня есть полчаса. Садись — поедem в ресторан неподалёку. Перекусим, и ты мне всё расскажешь.

Я на секунду замерла от неожиданности. Водитель вежливо отступил в сторону, приоткрыв пассажирскую дверь. Я быстро села на заднее сиденье. Внутри пахло кожей и лёгким цитрусовым ароматом — наверное, освежитель. Воронцов устроился рядом, коротко бросил водителю: «В Рафинад, Миш», — и машина плавно тронулась.

— Говори, пока едем, — сказал он, откинувшись на спинку сиденья. — В общих чертах: что за проект?

Я глубоко вдохнула, собирая мысли:

— «Теннис без границ» — это бесплатные занятия теннисом для детей из малообеспеченных семей и ребят с ОВЗ. Сейчас мы работаем с сорока детьми, но заявок — больше сотни. Если подключить ресурсы вашей программы, можно: открыть вторую площадку, нанять ещё тренеров из числа студентов, закупить инвентарь...

— Инвентарь — это дорого, — перебил он, глядя в окно. — Откуда возьмёте средства?

— Часть — за счёт гранта, часть — через партнёрство со спортивными брендами. Я уже вела переговоры с одним магазином — они готовы дать скидку на ракетки и мячи, если мы сделаем совместный промо-ролик с детьми.

Воронцов кивнул, будто отмечая про себя что-то:

— Продолжай.

Через пять минут машина остановилась у ресторана. Водитель вышел, чтобы открыть нам дверь. Мы прошли внутрь — в зал с приглушённым светом и тихой джазовой музыкой. Официант провёл нас к столику у окна. Пока мы делали заказ (я — зелёный чай, он — эспрессо), я разложила на столе распечатки: фото ребят на тренировке, графики роста интереса к проекту, смету на следующий год.

— Вот, — я указала на лист с диаграммой. — Если получим поддержку, через полгода сможем увеличить охват в три раза. А ещё планируем запустить турнир для детей с ОВЗ — такого в городе ещё не было.

Воронцов взял бумаги, внимательно изучил каждую страницу. Потом отложил их, посмотрел мне в глаза:

— Ты уверена, что потянешь? Это не кружок по интересам. Отчёты, согласования, работа с подрядчиками...

— Уверена, — ответила я, не отводя взгляда. — У меня есть команда: студенты-волонтёры, тренеры-практиканты. Мы готовы учиться, но нам нужен стартовый толчок.

Он улыбнулся — впервые за весь разговор:

— Хорошо. Давай так: за неделю подготовь расширенную заявку с детальным бюджетом и планом реализации. Привези её мне в мэрию в пятницу, в одиннадцать. Я ознакомлюсь на месте, мы обсудим детали, и тогда же назначу тебе куратора из управления. Если всё будет чётко — включим «Теннис без границ» в пилотную группу «Молодёжи в движении».

У меня перехватило дыхание. Я протянула руку:

— Спасибо. Обещаю, вы не пожалеете.

— Надеюсь, — он ответил на рукопожатие. — Потому что это не только твой шанс. Это шанс для тех детей.

Когда он ушёл, я ещё несколько минут сидела за столиком, глядя на пустые чашки. Водитель Воронцова незаметно появился у выхода, ожидая босса. В голове уже крутились мысли: кому позвонить первым, какие документы доработать, где найти помещение для новой площадки. Теперь назад дороги нет.

Я достала телефон и внесла в календарь: «Пятница, 11:00 — мэрия, встреча с Воронцовым, подача расширенной заявки». Под этим пунктом добавила:

Подготовить:

- 1) доработанный бюджет;
- 2) план по площадкам;
- 3) список партнёров;
- 4) фото и отзывы».

Сердце всё ещё стучало, как сумасшедшее, но я точно знала — я на правильном пути.

Немного визуала к главе)

Глава 3

В пятницу я подъехала на такси к мэрии. Я взглянула на внушительное здание с колоннами, на строгие окна, за которыми кипела городская жизнь, — и сглотнула, чувствуя, как пересохло в горле. Всё это время я работала над заявкой: выверяла каждую цифру до сотых, договаривалась о площадках, собирала отзывы родителей и тренеров. Теперь настал момент, когда от слов нужно переходить к делу.

Выйдя из машины, я машинально поправила пиджак — движение, ставшее ритуалом перед важными встречами. Проверила, на месте ли папка с документами (трижды: на ощупь, взглядом и ещё раз, чуть приоткрыв клапан), и направилась ко входу. В холле — чистота, порядок, приглушённые голоса, деловая суeta. Аромат свежесваренного кофе смешивался с запахом полированной мебели. Подойдя к стойке информации, я назвала своё имя и цель визита:

— Ольга Морозова, на встречу с Русланом Олеговичем Воронцовым.

Девушка сверилась с расписанием, улыбнулась:

— Да, вы в списке. Пройдите к лифтам, третий этаж, кабинет 312. Секретарь вас встретит.

Поднимаясь, я мысленно проговаривала ключевые пункты заявки: бюджет, график, партнёры. В коридоре третьего этажа уже ждала Анна, секретарь Воронцова.

— Ольга? Проходите, Руслан Олегович вас ждёт.

Я вошла. Воронцов сидел за массивным столом из тёмного дерева; перед ним — папка, несколько распечаток и чашка кофе, от которой поднимался тонкий пар.

Он поднял глаза и коротким кивком указал на стул напротив:

— Доброе утро. Готовы?

Я невольно залюбовалась его внешностью — раньше как-то было не до этого. Высокий, статный, с благородной осанкой. Темно-русые волосы аккуратно уложены, серые глаза смотрят пристально, словно проникая в самую суть. На подбородке — лёгкая щетина, придающая облику чуть небрежную, но притягательную мужественность. Он выглядел моложе своих лет — энергичный, подтянутый, с той особой харизмой, которая сразу приковывает внимание.

В его чертах читалась внутренняя сила: чётко очерченные скулы, волевой подбородок, линия губ — твёрдая, но не жёсткая. Когда он слегка наклонял голову, рассматривая документы, в профиле проступала какая-то почти аристократическая утончённость, контрастирующая с общей брутальной статью.

Его пальцы, сильные и ухоженные, с аккуратными короткими ногтями, постукивали по краю стола — ритмично, почти гипнотически.

— Готова, — ответила я, садясь и кладя перед собой блокнот и ручку.

Он открыл папку, пробежался по страницам — не листая, а словно сканируя взглядом. Время от времени останавливался, хмурил брови, делал пометки карандашом (твёрдый нажим, чёткие штрихи — ни одного лишнего движения).

Я поймала себя на мысли, что слишком долго разглядываю его, и поспешно опустила взгляд на блокнот. Щеки предательски заалели. Чтобы скрыть смущение, я машинально поправила прядь волос, затем сжала пальцы в замок, стараясь сосредоточиться на разговоре. Но периферийным зрением всё равно ловила его силуэт — широкую грудь под идеально сидящим пиджаком, линию плеч, напряжённую позу, выдававшую человека, который привык принимать решения, а не ждать их от других.

— Вижу, вы серьёзно подошли. Детализация хорошая, но есть вопросы. Например, по аренде площадки: вы указали два варианта. С кем из них дальше ведёте переговоры?

Я достала распечатку с пометками:

— С спорткомплексом «Олимпиец». Они готовы дать скидку при долгосрочном договоре и даже выделить подсобное помещение для инвентаря. С школьным стадионом сложнее — там требуется ремонт покрытия, но зато локация удобнее для детей из Заречного района.

Воронцов кивнул, сделал пометку:

— Логично. А по партнёрству с магазинами — есть письменные подтверждения?

Я протянула ему письма от двух спортивных сетей:

— Вот, подписали предварительные соглашения. Они ждут нашего окончательного плана, чтобы согласовать промо-акцию.

Он внимательно прочитал, отложил листы. Пальцы снова застучали по столу — на этот раз медленнее, будто он взвешивал каждое слово:

— Хорошо. Теперь по команде: кто конкретно будет отвечать за логистику, медиа, работу с родителями?

Я развернула схему, стараясь не смотреть на его руки — их движение отвлекало:

— За логистику — мой помощник, студент-четверокурсник, он уже организовывал турниры. Медиа ведёт девушка из пресс-службы вуза, она делает контент для соцсетей. За связь с родителями — я лично, плюс две волонтерки, которые сами из многодетных семей; им проще найти общий язык.

Воронцов откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди. Его поза говорила о раздумьях: локти широко расставлены, пальцы слегка сжаты. Он не спешил с ответом — молчал, рассматривая меня, будто оценивал не только проект, но и меня саму.

Потом улыбнулся — не широко, но искренне, в уголках его глаз появились едва заметные морщинки. И в этот миг он перестал казаться неприступным чиновником. На секунду я увидела перед собой просто мужчину: умного, требовательного, но способного оценить чужой труд.

— Вы не просто мечтаете. Вы считаете, планируете, договариваетесь. Это то, что нам нужно.

Он взял телефон, набрал номер:

— Анна Петровна? Ольга Морозова здесь. Я посмотрел её заявку — всё чётко. Давайте встретимся через пятнадцать минут, я вас познакомлю и передам проект под ваше кураторство.

Положив трубку, он посмотрел на меня:

— Через четверть часа вы познакомитесь с вашим куратором — Анной Петровной Смирновой. Она из департамента соцразвития, человек строгий, но справедливый. Далее будете работать вместе.

У меня перехватило дыхание. Я кивнула, не находя слов.

— И ещё, — добавил он, — не бойтесь задавать вопросы. Но и не ждите, что всё решится само. Это ваш проект. Ваша ответственность.

Когда я вышла из кабинета, Анна протянула мне визитку:

— Здесь контакты Анны Петровны и моё расписание. Если что-то срочное — пишите, я помогу организовать встречу.

На улице я глубоко вдохнула. В руках — визитка, в голове — список задач, в сердце — уверенность: это начало. А где-то на задворках сознания всё ещё звучал его стук пальцев по столу — ритм, который, кажется, теперь будет сопровождать каждый шаг этого проекта.

Глава 4

Я вышла из института, вдохнула прохладный осенний воздух, пытаюсь собраться с мыслями после напряжённого дня. У обочины стояла элегантная чёрная машина — слишком дорогая и заметная для нашего студенческого района. Дверца открылась, и из салона вышла женщина — высокая, стройная, с безупречной причёской и холодным взглядом.

— Ольга? — её голос звучал ровно, без эмоций.

— Да, а вы кто? — я невольно отступила на шаг.

— Садись в машину, нужно поговорить.

Её тон не предполагал возражений. Я молча опустилась на кожаное сиденье. Внутри пахло дорогими духами и свежестью кондиционера.

— Я Воронцова Людмила Игоревна, — представилась она, закрывая дверцу. — Жена Руслана Олеговича.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Очень приятно... — пробормотала я, не зная, куда деть руки.

— Ты с ним спишь? — она повернулась ко мне, и в её глазах читалась не злость, а ледяное спокойствие, от которого становилось ещё страшнее.

— Я? Вы... нет! О боже, конечно, нет! — мой голос дрогнул. — Мы просто обсуждали проект...

— Вас видели в ресторане, — перебила она, доставая из

сумочки тонкий конверт.

Я молчала, не зная, что сказать.

Людмила Игоревна открыла конверт и достала несколько фотографий. На них — я и Руслан Олегович за столиком, склонившиеся над бумагами, его рука на столе рядом с моей... Ничего предосудительного, но при определённом ракурсе...

— Это не то, чем кажется... — начала я, но она резко оборвала:

— Мне не нужны оправдания. Мне нужен результат.

Она сделала паузу, изучая моё лицо, будто оценивая, насколько я сломлена.

— У меня есть предложение. Ты поможешь мне, а я помогу тебе.

— Поможете? — я не верила своим ушам. — Но как?

— Деньги, — она выдержала паузу, следя за моей реакцией. — Достаточно, чтобы оплатить полную реабилитацию твоего брата. Знаю, как твоя семья в них нуждается. Он ведь был талантливым баскетболистом, пока не получил ту травму... И у него есть шанс вернуться в спорт — но без должного лечения это невозможно.

Я вздрогнула. О Никите знали только самые близкие.

— Откуда вы...

— У меня хорошие источники. И я точно знаю: тебе нужны эти деньги. А мне нужен компромат.

— Компромат?

— Руслан хочет развода. Чистого, без претензий, чтобы сохранить лицо чиновника. Но если всплывёт история о его романе со студенткой... — она усмехнулась, — это испортит ему репутацию. А мне даст рычаги давления.

— Вы хотите меня использовать...

— Я предлагаю взаимовыгодную сделку. Ты получаешь средства на лечение брата — чтобы он снова мог ходить на тренировки, мечтать о профессиональной карьере. Я — доказательства его неверности. Всё честно.

— Но как? Что именно вы хотите от меня?

— Видимость романа. Не физический контакт — это не требуется. Переписки, встречи, объятия — всё в рамках приличий, но так, чтобы это заметили. В субботу он будет в клубе на дне рождения друга. Ты поедешь туда и начнёшь «игру».

— А если он не поддастся?

— Поддастся. Мужчины предсказуемы. Стоит показать интерес, чуть улыбнуться, посмотреть «тем самым» взглядом — и они уже готовы свернуть горы. Проверено годами.

— И что потом?

В её взгляде — холодная расчётливость.

— Потом я получу то, что мне нужно, ты — свои деньги. А проект... — она снова усмехнулась. — Проект ты сможешь реализовать и без него.

— Как я сделаю фото?

— Их сделают за тебя. Просто играй свою роль.

Она протянула визитку.

— Это мой номер. И сумма, которую ты получишь, если всё пройдёт гладко.

Я смотрела на карточку, не решаясь взять. В голове билась одна мысль: реабилитация Никиты... Сколько ночей я провела, думая, где достать деньги. Как брат мучился от боли, как гасла в его глазах надежда вернуться на площадку...

— Откажешься — ничего не изменится. Но согласишься — поможешь брату. У него будет будущее. Он снова сможет играть.

— Почему именно я? — наконец спросила я, сжимая в пальцах визитку.

— Блондинки в его вкусе. И ты похожа на... — Людмила Игоревна замолчала, словно взвешивая, стоит ли продолжать.

— На кого? — я невольно подалась вперёд.

— Его первую любовь. Когда я увидела ваши фото в ресторане, сначала подумала, что это она. — Её голос звучал ровно, но в глазах мелькнуло раздражение.

Молчу, пытаюсь осмыслить её слова.

— Решай, — заключила она, открывая дверь машины. — До субботы есть время подумать. Если согласишься — напиши мне и начнём игру. Если нет... — она пожала плечами, — забудем этот разговор.

Машина плавно тронулась с места, оставив меня одну на тротуаре с визиткой в руках.

В голове крутились мысли, наплывая одна на другую: Никита... Его мечта о большом спорте... Курсы реабилитации, которые мы не можем себе позволить... Операция, без которой он рискует навсегда потерять подвижность колена...

«Я могу ему помочь», — повторила я про себя. Ценой своей гордости. Ценой некой игры, правила которой пока неясны.

Я опустила взгляд на визитку. Глубоко вдохнула, пытаюсь унять дрожь в руках. Осенний ветер холодил щёки, но внутри разгорался огонь — не страсти, а решимости.

«Хорошо, — мысленно сказала я, глядя вслед исчезающей за поворотом машине. — Я согласна».

Глава 5

Вчера я написала Воронцовой, что согласна на сделку. Мне было, конечно, жутко стыдно заниматься чем-то подобным, но я твёрдо решила помочь своему брату. В конце концов, речь шла не о моих принципах, а о будущем Никиты — о его здоровье, о мечте, которую нельзя просто взять и выбросить.

Воронцова ответила коротко: «Отлично». Тут же скинула адрес и название клуба. Место, куда я никогда бы не зашла по своей воле.

Попросила Аллу поехать со мной — одна я в такое место ехать боялась. Подруга, хоть и была в шоке от моего рассказа, не задавала лишних вопросов. Только кивнула и сказала: «Поехали. Я буду рядом».

Собиралась полдня. Перемерила всё, что было в шкафу, и в итоге поняла: у меня нет ничего подходящего. Аллочка привезла своё чёрное облегающее платье — с глубоким декольте, но без вульгарности. Добавила чёрные колготы и ботфорты на каблуке. Волосы завили, сделали макияж — такой, что я сама себя не узнала в зеркале.

— Ты выглядишь... — подруга прищурилась, оценивая результат. — Как женщина, которая знает, чего хочет.

— Я и знаю, — прошептала я, но голос дрогнул. — Только не уверена, что смогу это сыграть.

— Сможешь. Я в тебя верю.

Когда мы подошли к клубу, коленки тряслись, а ладошки потели. Музыка гремела даже сквозь закрытые двери, неоновые огни резали глаза. Я сглотнула, пытаясь унять бешеный ритм сердца.

— Тебе же не нужно с ним спать? — тихо спросила Алла, взяв меня за руку. — Я права?

— Нет, конечно. О чём ты? — Я даже вздрогнула от этой мысли. — Просто флирт. Чтобы у нанятого Воронцовой человека была возможность сделать фото. Она, конечно, хочет ещё переписку. Но я даже не знаю... зачем ему мне писать.

— Затем, что ты красивая, — отрезала Алла. — И умная. И если он не слепой, то заметит.

Я покачала головой:

— Богат, известен... И, чего уж там, невероятно красив. Я нашла в интернете информацию о нём: ему 36 лет, он женат. Между нами — целых 16 лет разницы. Это просто бездна. Он даже не взглянет в мою сторону.

— А вот тут ты ошибаешься, — подруга поправила мне прядь, упавшую на плечо. — Он мужчина. А мужчины... они замечают, когда женщина смотрит на них так, будто они — весь мир.

Я глубоко вдохнула, пытаясь собрать разбегающиеся мысли.

— Ладно. Я сделаю это. Для Никиты.

Алла сжала мою руку:

— Именно. И помни: я здесь. Если что — звонишь, и мы уходим. Сразу.

Я кивнула, поправила сумку и шагнула к дверям клуба. Охранник скользнул по мне взглядом, кивнул — видимо, список гостей был готов. Внутри — полумрак, дым, мерцание огней. Где-то среди этого хаоса ждал человек, от которого зависело будущее моего брата.

«Просто флирт», — повторила я про себя. — «Просто игра. А потом — деньги. А потом — реабилитация. А потом — Никита снова на площадке».

Я нашла его глазами. Он сидел в VIP-зоне, в окружении людей, но взгляд его скользнул по залу и остановился на мне.

Мы с Аллой сели за свободный столик. Выпили по бокалу шампанского. Я почувствовала, как начала хмелеть — с утра из-за нервов даже крошки во рту не было, и теперь лёгкий алкоголь ударил в голову быстрее, чем я ожидала.

— Пойдём потанцуем? — подруга кивнула на танцпол.

— Даже не знаю... — Я невольно бросила взгляд в сторону VIP-зоны.

— Ну а что сидеть? Повеселимся хоть. И Руслан Олегович пусть увидит, какая ты красавица.

— Он уже и так меня увидел... но даже не кивнул в знак приветствия.

— Морозова, ты думала, такой мужчина его уровня выбежит к тебе с высунутым языком, как мальчишка? Нет, дорогая, это другой уровень.

— Не мой уровень, Ал, не мой. И это и так очевидно.

Аллочка взяла из моих рук бокал с шампанским и поставила на стол.

— Пошли, говорю. Если ничего не получится, то хотя бы отдохнём нормально.

— Ладно. Пошли.

Я одёрнула платье, расправила плечи, закинула волосы назад и с улыбкой двинулась на танцпол. Музыка накрыла волной — ритмичная, пульсирующая, заставляющая тело двигаться в такт. Сначала движения были скованными, но постепенно я расслабилась, позволив музыке вести меня.

Алла танцевала рядом, беззаботно смеясь, и на какое-то время я почти забыла, зачем здесь. Почти перестала ловить взглядом ту VIP-зону, почти перестала думать о цифрах, о Никите, о сделке.

Но потом...

Краем глаза я заметила движение. Повернула голову — и встретила с ним взглядом. Руслан Олегович смотрел в мою сторону. Не мимо, не рассеянно — прямо на меня. В его глазах мелькнуло что-то неуловимое — интерес? Оценка? Любопытство?

Сердце пропустило удар, но я не отвела взгляд. Наоборот — улыбнулась шире, чуть наклонила голову, позволяя свету софитов играть в моих волосах. Танцевала, будто только для него.

Музыка сменилась, ритм стал мягче. Я сделала шаг назад,

будто собираясь покинуть танцпол, но в этот момент увидела, как он поднимается из-за стола.

«Только не подходи, — пронеслось в голове. — Только не сейчас, я не готова...»

Но он не спешил. Просто стоял, наблюдая. А потом поднял бокал — не то в знак приветствия, не то просто отмечая что-то для себя.

— Видела? — шепнула Алла, придвигаясь ближе. — Работает.

Я не ответила. Внутри всё дрожало — смесь страха, азарта и странного, незнакомого волнения.

Мы с Аллой продолжали танцевать, стараясь выглядеть непринуждённо, но я то и дело косилась в сторону VIP-зоны. Музыка пульсировала, смешиваясь с гулом голосов и звоном бокалов, и на какое-то время я почти сумела отключиться от тревожных мыслей.

Но вдруг чьё-то прикосновение резко вырвало меня из этого полутранса. Тёплая ладонь легла на талию — слишком уверенно, слишком близко.

— Эй, красотка, познакомимся, — раздался над ухом слегка заплетающийся голос.

Я резко развернулась. Передо мной стоял парень — явно перебравший, с блестящими глазами и развязной улыбкой. Он снова попытался приблизиться, на этот раз ухватив меня за локоть.

— Отпустите, — я попыталась отстраниться, но он лишь

ухмыльнулся.

— Да ладно тебе, не ломайся...

Не успела я ответить, как рядом возник охранник — высокий, в строгом чёрном костюме, с невозмутимым лицом.

— Вам лучше покинуть наше заведение, — его голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась сталь.

Парень что-то пробурчал, но под взглядом охранника попятился и вскоре исчез в толпе.

— Девушки, — охранник повернулся к нам, — прошу вас, пройдите за мной.

Мы с Аллой обменялись быстрыми взглядами. В её глазах читался немой вопрос: «Что теперь?» Я лишь пожала плечами и двинулась следом.

Мы шли мимо столиков, мимо смеющихся гостей, мимо официантов с подносами. Аллея огней и зеркальный блеск создавали причудливую мозаику, а я пыталась унять дрожь в коленях.

Охранник провёл нас в VIP-зону — ту самую, где сидел Воронцов с друзьями. Он откинулся на диван, в руках — бокал с виски. Взгляд скорее заинтересованный, чем равнодушный. У меня во рту всё пересохло.

«О боже, на что я подписалась? — пронеслось в голове. — Только сейчас я поняла, что мне такие игры не по зубам. Я не понимаю всего этого. Флиртовать со взрослым, пусть и красивым мужчиной — это не моё. Да и опыт у меня в этих делах — ноль целых и столько же десятых».

— Руслан Олегович... — начала я, чувствуя, как дрожит голос.

— Оля, неожиданно встретить тебя в таком месте, — он слегка приподнял бокал, словно приветствуя.

— Да... я... мы с подругой... — я запнулась, пытаюсь собраться с мыслями.

— Присаживайтесь, красотки, не стойте, — предложил один из мужчин за столом, кивнув на свободные места.

И тут мне стало страшно — по-настоящему. Шестеро взрослых, солидных, влиятельных мужчин. У двоих на колени сидели дамы лёгкого поведения. А мы — две студентки, вырядившиеся и пришедшие в пасть льву.

Я выпрямилась, расправила плечи и села, стараясь выглядеть увереннее, чем чувствовала себя на самом деле. Сердце колотилось где-то в горле, но я заставила себя сделать глубокий вдох.

— Чем займёмся сегодня вечером? — спросил другой мужчина, разглядывая нас с нескрываемым интересом.

Я поймала взгляд Воронцова. Он молчал, но в его глазах читалось ожидание — будто он уже знал ответ, но хотел услышать его от меня.

— Мы просто хотели отдохнуть, — наконец выговорила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Сегодня тяжёлый день.

— Тяжёлый день требует хорошего отдыха, — Воронцов слегка наклонил голову. — Что будете пить?

Я хотела отказаться, но Алла быстро ответила:

— Воду, пожалуйста. Для Оли. А мне — тоник с лаймом.

Воронцов кивнул официанту. Пауза затянулась, и я почувствовала, как напряжение в воздухе становится почти осязаемым.

«Только бы не выдать, как мне страшно», — думала я, сжимая край скатерти под столом.

— Вы часто здесь бываете? — рискнула спросить я, пытаясь завязать разговор.

— По настроению, — ответил Воронцов, не отводя взгляда. — А ты?

— Первый раз, — призналась я.

Он улыбнулся — едва заметно, но эта улыбка заставила сердце биться чаще.

— Тогда позволь показать тебе, как здесь принято отдыхать.

Глава 6

О чёрт, кажется, мы попали... Доигрались. Внутри всё сжалось от ледяного предчувствия. «Они же не сделают нам ничего плохого — или... сделают? Им же за это даже ничего не будет»

Руслан Олегович поставил бокал с виски на стеклянный стол с едва слышным стуком и что-то шепнул другу, возле которого сидела Алла. Я поймала её взгляд — в нём читалась такая же тревога, но она лишь слегка кивнула мне, словно говоря: «Держись».

Он встал, неторопливо подошёл ко мне. Я вжалась в диван, чувствуя, как холод проникает в пальцы, будто кровь отхлынула к сердцу, оставив конечности безжизненными. Его тень накрыла меня, отгораживая от остального мира.

Он протянул руку — широкую, сильную, с чётко прорисованными венами.

— Пошли.

«Куда, блин, пошли?!» — мысль взорвалась в голове, разлетаясь осколками паники. Внутри всё скрутилось в тугой узел. Вскочить и убежать? Нет, это будет ещё унижительнее. «Мамочки, во что я ввязалась?» — мысленно взмолилась я, озираясь по сторонам в поисках хоть какой-то лазейки. Но пространство вокруг будто сжалось, отрезая пути к отступлению.

— Ну же, Оль, — его голос прозвучал мягко, почти ласково, но от этого стало только страшнее.

Я протянула свою руку — маленькую, дрожащую — в его ладонь. Его хватка была твёрдой, уверенной. Рядом с ним я ощущала себя хрупкой фарфоровой куколкой, которую легко сломать одним неосторожным движением.

— А куда мы идём? — голос дрогнул, выдавая меня с головой.

— Увидишь, — коротко ответил он, и в этой лаконичности было что-то пугающе окончательное.

Он провёл меня в кабинет. Темнота поглотила нас, лишь тусклый свет уличных фонарей пробивался сквозь плотные шторы, рисуя на полу призрачные полосы. В воздухе витал запах кожи, дерева и чего-то терпкого — то ли дорогого одеколona, то ли виски, который он пил. Обстановка казалась одновременно роскошной и безличной: кожаный коричневый диван с потёртостями, свидетельствующими о частой эксплуатации, массивный телевизор на стене, стол из тёмного дерева и бар с зеркальными дверцами, в которых отражались размытые силуэты.

— Как ты любишь? — его голос разрезал тишину, словно лезвие.

— Что?.. Что люблю? — я почувствовала, как глаза расширяются, будто пытаются вырваться из орбит. В груди заколотило: «Только бы это было не то, о чём я подумала...»

— Трахаться — как любишь? — он произнёс это буднич-

но, почти равнодушно, но слова ударили, как пощёчина.

Он начал снимать запонки на рубашке, медленно подворачивать рукава. Каждое движение было чётким, расчётливым. «Какого хрена?! Что, мать твою, происходит?». Я ещё никогда не испытывала такого страха — он проникал под кожу, сковывал мышцы, превращал воздух в густой, непроницаемый туман.

«Руслан Олегович — воспитанный мужчина, к которому я приходила в мэрию... Сейчас он спрашивает, как я люблю трахаться?!» — абсурдность ситуации была по сознанию, но реальность не желала меняться.

— Никак... не люблю, — выдавила я, голос звучал жалко, по-детски.

Он поднял на меня глаза — холодные, изучающие.

— Ладно, раздевайся. По ходу решим.

— По какому ходу? Руслан Олегович... Вы что-то неправильно поняли. Я... — слова застревали в горле, превращаясь в бессвязный шёпот.

Он приблизился походкой хищного зверя — неторопливой, уверенной, будто знал: жертва никуда не денется. Я спиной вдавилась в стену, мечтая раствориться, исчезнуть, телепортироваться куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Его взгляд скользил по мне — детально, безжалостно: лицо, глаза, губы... «Он смотрит на мои губы — он же не собирается меня поцеловать? Нет же?!» — паника смешивалась с чем-то ещё, чужим, пугающим.

Палец провёл по скуле — лёгкое, почти невесомое прикосновение, от которого по телу пробежала волна мурашек. «Мамочки... Мне страшно — и в то же время почему-то приятно...» — это противоречие разрывало сознание.

Затем его большая рука неожиданно, но несильно обхватила мою шею. Он приблизился к уху, и его дыхание обожгло кожу, как раскалённый воздух. «Что со мной? Почему мне это нравится?!» — в животе нарастало странное, ноющее чувство, будто внутри распускался ядовитый цветок, отравляя рассудок.

От него исходил сложный, почти гипнотический аромат, сочетавший в себе терпкий, слегка сладковатый запах виски, горьковатый дымный шлейф недавно выкуренной сигареты и сдержанный аромат мужского парфюма.

— Ты красивая девочка, — прошептал он, и от этих слов внутри что-то дрогнуло.

«Я сейчас растаю, не иначе. Расплывусь, как лужица, у его ног», — мысль была пугающей, но в ней таилось странное, извращённое удовольствие. Женатый мужчина, намного старше меня... Почему я так на него реагирую? Почему тело предаёт разум, откликаясь на его прикосновения?

В голове билась единственная здравая мысль: «Это неправильно. Нужно остановиться».

— Руслан Олегович, что Вы... делаете? — мой голос звучал тихо, жалко, почти умоляюще.

Он провёл губами по моей скуле, и от этого прикоснове-

ния по спине пробежал холодок.

— А ты как думаешь? — его шёпот обжёг ухо, заставляя вздрогнуть.

И вдруг его губы накрыли мои — резко, без прелюдии, без той трепетной осторожности, к которой я привыкла; этот поцелуй не имел ничего общего с нежными, робкими прикосновениями, что случались в моей жизни до сегодняшнего вечера. Это было вторжение — жадное, дикое, беспощадное. Его язык врывался в мой рот, подчиняя, исследуя, требуя ответа. Я начала съезжать по стенке, ноги подкашивались, но он ухватил меня за талию, удерживая на грани падения. Вторая рука по-прежнему сжимала шею — не больно, но достаточно, чтобы чувствовать его власть.

Неожиданно его ладонь скользнула с талии на ягодицы, затем на внутреннюю сторону бедра... И вот тогда я ощутила его эрекцию — твёрдую, настойчивую, как предупреждение.

«Нет, нет, нет!» — паника вспыхнула ослепительно ярко, затмевая все прежние переживания. Мысль билась в голове, как пойманная птица: «У меня никогда не было мужчины... Я не могу отдать свою девственность вот так — в чужом кабинете, под натиском чужого желания...»

Страх оказался сильнее того странного, предательского возбуждения, которое ещё пульсировало в теле.

— Стойте! Стойте. Руслан Олегович. Зачем вы всё это делаете? — мой голос дрожал, срывался, но я пыталась говорить твёрдо.

Он слегка отстранился, его глаза блестели в полумраке — холодные, оценивающие.

— Не хочешь прелюдии? Ладно. Я тоже не любитель, — произнёс он будничным тоном, и в ту же секунду резким движением развернул меня лицом к стене, рывком задрал платье.

— Пожалуйста, Руслан Олегович, не надо!! Стойте! Не надо! — мой крик прозвучал жалко, беспомощно, но я должна была попытаться.

Он прижался ко мне, его дыхание обжигало шею.

— Сколько? — коротко спросил он.

«Сколько? Что он имеет в виду?» — мысль промелькнула, а затем всё стало ясно. «Он предлагает мне деньги за секс... За кого он меня принимает?!»

Стыд и ярость вспыхнули внутри, сжигая последние остатки растерянности.

— Что? Я не проститутка! — мой голос прозвучал громче, твёрже, чем я ожидала.

— Сколько эта сука заплатила тебе, чтобы ты притащилась сюда, одета как шлюха, и соблазнила меня? — его слова хлестнули, как пощёчина, оставляя на душе кровавый след.

— Я... Руслан Олегович... — я пыталась найти слова, но они рассыпались, как песок сквозь пальцы.

Он отошёл от меня, сел на стол, скрестив руки. Я медленно опустила платье, чувствуя, как стыд обжигает кожу, проникает в каждую клеточку тела.

«Он знал... Он всё знал. Знал, что его жена готовит ему подставу. Но как? Когда?» — мысли метались, сталкиваясь в хаотичном танце.

— Проваливай отсюда, чтобы я больше тебя не видел, — его голос звучал холодно и безэмоционально.

— Я всё объясню... — попыталась я, но он резко оборвал меня.

— Не нужны мне твои объяснения.

Он подошёл к двери и распахнул её с таким грохотом, что я вздрогнула — звук эхом разнёсся по пустому коридору, усиливая ощущение безысходности.

— Уёбуй, — бросил он через плечо, не глядя на меня, — пока я и правда тебя не трахнул.

Голос дрогнул, но я всё же выдавила из себя вопрос, почти шёпотом:

— А Алла... Моя подруга?

Он даже не обернулся — лишь холодно, безразлично бросил через плечо:

— Её тоже отправили домой.

Я сделала робкий шаг к двери, надеясь хоть что-то понять, но он резко схватил меня за предплечье. Хватка оказалась железной, безжалостной — словно тиски сомкнулись на руке, лишая последней надежды на сопротивление. Одним резким, почти механическим движением он выставил меня за порог.

— За грант можешь забыть. Я думаю, ты это и так поняла,

— его последние слова прозвучали как окончательный приговор, сухой и бесповоротный.

Дверь с глухим стуком захлопнулась за моей спиной — и время словно остановилось. Горло сдавило так, что даже вздох давался с трудом. Слезы застилали глаза, размывая очертания мира, превращая его в бесформенное пятно. Не помня себя, я кинулась к выходу — быстро, судорожно, со скоростью животного, за которым гонится хищник.

Холодный ночной воздух ударил в лицо, словно оплеуха, возвращая к реальности. Только теперь я осознала: на мне лишь платье — ни куртки, ни сумочки. В сумке остались телефон, документы, всё, что связывало меня с нормальной жизнью, с порядком, с ощущением защищённости.

Развернувшись, бросилась обратно к клубу. Ноги подкашивались, дыхание сбивалось, но я бежала — отчаянно, на пределе сил, будто от этого зависела моя жизнь.

На входе меня остановил охранник — высокий, массивный, с лицом, лишённым малейших признаков сочувствия или хотя бы человеческого участия.

— Мне нужно... обратно, — выдохнула я, пытаюсь собрать остатки воли, чтобы звучать убедительно.

— Вас велено не впускать, — ответил он голосом, в котором не было ни колебаний, ни намёка на сострадание.

— Но я забыла куртку и сумочку! Там телефон и документы! — в голосе зазвенела истерика, которую я уже не могла сдержать.

— Велено не впускать, — повторил он, словно робот, запрограммированный на единственную фразу.

«Он что, робот?! Совсем ничего человеческого!» — мысль вспыхнула в голове, острая и горькая. Но я сжала кулаки, пытаюсь взять себя в руки.

— Пожалуйста... — прошептала я, и слёзы снова хлынули из глаз, обжигая щёки.

— Ничем не могу помочь, — ответил он всё тем же безжизненным тоном, не дрогнув и не отступив ни на шаг.

Я осталась стоять перед закрытыми дверями. Холод пробирал до костей — не только снаружи, от промозглого ветра, но и изнутри, от ледяного ужаса, сковавшего душу. Платье прилипло к телу, ветер пронизывал насквозь, но физическая стужа была ничто по сравнению с тем, что творилось в сердце.

Глава 7

В субботу мне пришлось идти домой пешком — без куртки, в слезах, с душой, истерзанной унижением. Холод пробирал до костей, но физическая дрожь была ничто по сравнению с тем ледяным комом, что застыл внутри. Боль, стыд, обида — всё смешалось в один густой, тя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.